

Палажченко М.Ю.

Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны

Палажченко Марина Юрьевна — кандидат культурологии, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: m-palazhchenko@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: [4965-7031](https://elibrary.ru/4965-7031)

Аннотация

В статье анализируются английские и русские военно-политические эвфемизмы как способ ведения информационной войны. Отдельное внимание уделяется попыткам оказывать воздействие на аудиторию путем намеренного использования ряда лексических средств с целью сформировать «правильное» восприятие событий.

Ключевые слова

Информационная война, военно-политическая лексика, эвфемизмы, информационная безопасность.

Сегодня почти ежедневно можно прочесть или услышать об «информационной» или «информационно-психологической» войне, эти понятия прочно вошли в нашу жизнь. А.В. Соловьев утверждает, что «информационная война стала реальностью нашей жизни, она представляет собой комплексное явление и ведется постоянно различными методами и средствами»¹. С.А. Зелинский пишет: «В психологической войне используется расширенный арсенал манипулятивных методик, направленных на формирование общественного мнения в нужном манипулятору ключе»². Поскольку язык является и средством передачи информации, и способом манипулирования сознанием, очевидно, что от выбора лексических средств напрямую зависит, как будет восприниматься та или иная информация. В настоящей работе рассматриваются военно-политические эвфемизмы и анализируются причины их появления.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет эвфемизм как «слово (или выражение), употребляемое для не прямого, прикрытого обозначения какого-либо предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято». Современные исследователи этого явления проходят к выводу, что эвфемизмы «используются с целью маскировки определенных

¹ Соловьев А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Пространство и время. 2010. № 2. С. 80.

² Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: СКИФИЯ, 2008. С. 8.

фактов действительности»³ и даже «являются распространенным инструментом манипуляции общественным сознанием. Их лингвистическая природа такова, что они отвлекают внимание реципиента от запретного понятия, являются эмоционально нейтральными субститутами нежелательных или слишком резких обозначений»⁴. Л.П. Крысин предлагает свою классификацию эвфемизмов, исходя из сферы их употребления: он подразделяет их на личные и социальные. К последним относятся эвфемизмы, призванные камуфлировать репрессивные действия власти, а также деятельность силовых структур⁵. В настоящей статье речь пойдет о создании именно этих эвфемизмов в английском языке, ставшем благодатной почвой для их появления, и переводе оригинальных лексем на русский. Для того, чтобы лучше понимать суть исследуемого явления, необходимо ответить на ряд вопросов. Когда началось создание эвфемизмов войны? Почему возникла и продолжает возникать необходимость их появления? Почему имеются основания говорить о них в контексте информационной войны? Кто в данном случае является ее объектом?

Начнем с эпохи появления эвфемизмов войны в английском языке. Когда в 1914 году в Сараево было совершено покушение на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, британский консул телеграфировал в Лондон, что Франц Фердинанд был убит *by means of an explosive nature (средствами взрывной природы)*. Последовавшая за этим событием Первая мировая война, длившаяся четыре года и унесшая миллионы жизней, вызвала необходимость в создании таких вербальных средств, которые помогли бы закамуфлировать жестокость тех кровавых лет. Первая мировая война (называемая на Западе Великой войной) вызвала массовое словотворчество, воплотившееся в создании многочисленных эвфемизмов. Как пишет Ральф Киз, «эта война была такой варварской, массовые убийства на полях сражений и в траншеях этой войны были столь ужасающими, что их просто нельзя было изображать при помощи обычного, ясного языка» (“*so barbaric that a general vocabulary was conjured to obscure what was actually going on... The mass slaughter taking place on its battlefields and in its trenches simply could not be depicted in ordinary, clear language*”⁶).

³ Обвинцева О.В. Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. С. 14.

⁴ Пилюгина М.В. Эвфемизмы как языковое средство // Актуальные вопросы гуманитарных, правовых и социально-экономических исследований. М.: Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 2013. С. 60.

⁵ Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–407.

⁶ Keyes R. Euphemia: Our Love With Euphemisms. New York: Little, Brown and Company, 2010. P. 194.

В период, когда на полях сражений этой Великой войны ежедневно погибали до семи тысяч британских солдат, Генеральный штаб в Лондоне предпочитал сообщать не о гибели, а о *wastage (потерях)* среди своих военнослужащих. Предпочтение последнего термина вполне объяснимо: «потерями» можно считать не только убитых, но и раненых, которые хотя и не могут воевать, но остаются живыми. В 1917 году мятеж французских солдат был назван актом *collective indiscipline (коллективной недисциплинированности)*, а британские власти объясняли родителям казненных дезертиров, что те совершили *acts prejudicial to military discipline (поступки, пагубные для военной дисциплины)*. При этом правительство прибегало не только к вербальному камуфляжу, но и к откровенной лжи, сообщая родным казненных дезертиров о том, что их близкие *скончались от ран (died of wounds)*: ведь раны могли быть нанесены и противником. Тогда же появились и такие термины, как *top up (очистить от неприятеля)* для убийства и массового пленения солдат противника вследствие удачно проведенной военной операции, *sewing machines (швейные машинки)* как эвфемизм для *machine guns (пулеметов)* или *laying eggs (откладывание яиц)* для *bomb dropping (бомбометания)*.

Войны, последовавшие за Первой мировой, были не менее чудовищными и также вызвали необходимость в создании новых, уклончивых лексем с неуловимым смыслом. Когда британская армия потерпела поражение от германских войск под предводительством Эрвина Роммеля, Уинстон Черчилль получил донесение о том, что *“our forces are now engaged in a fluid action” (наши силы заняты текущим действием)*. Современные военные силы, вынужденно оставляющие поле боя, *fall back (отступают)*, *shorten the line (сворачивают линию фронта)*, *disengage (выходят из боя)*, or *withdraw (отводят войска)*. Организованное отступление — это *a coordinated withdrawal (координируемый отвод войск)*, а неорганизованное — *uncoordinated withdrawal (не координируемый отвод)* соответственно. Полное поражение (*outright defeat*) именуется *a defensive victory (оборонительной победой)*, *an adjustment to the front (корректировкой линии фронта)*, *a strategic movement to the rear (стратегическим передвижением в тыл)* или *an advance to the rear (продвижением в тыл)*.

Приведенные выше термины позволяют согласиться с утверждением о том, что «на Западе, главным образом в США, накоплен богатый опыт ведения информационной войны, в том числе с собственным населением»⁷, и эвфемизмы войны

⁷ Халидов Д. Информационная война в России: горькие плоды западничества // Обозреватель — Observer. 2011. № 8. С. 15.

призваны обслуживать успешное ее ведение. Роль же распространителей новой лексики доверена средствам массовой информации. Т.Г. Добросклонская пишет: «Получая словесно-образное выражение в СМИ, события и факты одновременно приобретают и так называемую культурно-идеологическую модальность, иначе говоря комплекс модально-оценочных коннотаций»⁸. В современных средствах массовой информации все реже можно встретить употребление самой лексемы *war* (война) — вместо нее все чаще используют словосочетания, типа *armed conflict* (вооруженный конфликт), *military operation* (военная операция) или даже *специальная акция* (*special action*). После окончания Второй мировой войны США переименовали свое *Министерство войны* (*Department of War*) в *Министерство обороны* (*Department of Defense*). В 1964 году британцы последовали американскому примеру и стали называть свое военное ведомство *Ministry of Defense* вместо *War Office*.

Война, которую США развязали во Вьетнаме, стала толчком для создания новых эвфемизмов: оказалось, что от использования прямого, ясного языка для описания ужасов войны страдают не только мирные западные обыватели, но и боевые офицеры. Так, один военный летчик жаловался, что в газетах все время пишут о бомбардировках: “*You always write it’s bombing, bombing, bombing. It’s not bombing. It’s air support*” («Это не бомбардировка. Это поддержка с воздуха»). В современном же военном лексиконе сами бомбы превратились в *explosive devices* (взрывные устройства), а *cluster bombs* (кассетные бомбы) стали *area-denial weapons, force packages, strategic devices, strontium units (sunshine units)*⁹. Таким образом, бомбежки деревень, уничтожение их жителей вместе с жилищами и домашним скотом стали называться *pacification* (умиротворением / восстановлением мира). Людей, лишившихся крова после такого «умиротворения» теперь именуют *ambient noncombatant personnel* (окружающий нестроевой персонал), стоит напомнить, что прежде их было принято считать *refugees* (беженцами), затем *displaced persons* (перемещенными лицами).

Как известно, «существует огромное множество методов, при помощи которых политические силы склоняют мировое сообщество в ту или иную сторону. Одна из наиболее распространенных в наше время передовых информационных технологий — это манипуляция информацией или так называемая информационная война. В этой

⁸ Добросклонская Т.Г. Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 40.

⁹ Keyes R. Op. cit. С. 196.

войне совсем другие основные силы, другие цели, другое оружие»¹⁰. Агрессии НАТО против Югославии предшествовало, а затем и сопровождало «правильное» информирование мировой общественности и действиях югославской и натовской армий, например *CNN* вбросило дезинформацию об использовании 700 албанских детей в качестве доноров для сербских солдат. Наряду с предоставлением «объективных» данных о ходе военной операции против суверенного балканского государства, западные СМИ использовали соответственно окрашенную лексику, противопоставляя *агрессивных* и *безжалостных* сербов *благородным миротворцам* НАТО¹¹.

Персонажи романов Оруэлла использовали для общения не нормальный человеческий язык, а так называемый «новояз». В этом языке привычные слова приобретали новый смысл, наполнялись иным значением, зачастую совершенно противоположным первоначальному. Так, например, утверждалось, что «война — это мир». Не так давно, читая произведения Оруэлла, многие не могли представить себе, что с подобными высказываниями они скоро столкнутся и в реальной жизни. В свое время, когда американские ВВС бомбили иракские города, министр обороны США Дональд Рамсфельд «обогастил» современный английский язык следующей формулировкой: «Война — это акт гуманизма». Многие отечественные и зарубежные СМИ не оставили такую трактовку войны без внимания и даже высказывали свое возмущение в связи с крайней степенью ее цинизма. Думается, сам Рамсфельд, давая такую «гуманную» трактовку действиям своих военных, хорошо осознавал, что «превосходство какого-то государства в информационной сфере рассматривается как один из основных способов достижения национальной стратегии и условие его успехов среди международной и внутренней общественности»¹².

Что касается англоязычных журналистов, возмущавшихся словами министра обороны, то разве сами они на протяжении ряда лет не прибегали к определениям типа *air support*, *aggressive defense*, *friendly fire*, *service a target*, *collateral damage* и проч.? Какой же смысл скрывается за этими и им подобными эвфемизмами? *Air support* (*поддержка с воздуха*) или *armed reconnaissance* (*разведка боем*) употребляются вместо лексемы *bombing* (*бомбардировка*). Значение последнего термина понятно каждому, тогда как два первых в силу их семантической размытости можно интерпретировать

¹⁰ Иванова Д.Н. Информационная война как реальность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 230.

¹¹ Там же.

¹² Тимофеева Л.Н. Информационная война против России: состояние и проблемы // Конфликтология. 2008. № 4. С. 64.

по-разному. События в Ираке, однако, должны были содействовать правильному пониманию того смысла, который заключен в приведенных выше эвфемизмах, равно как и в им подобных.

Когда американцы говорят, что их военные *попадают в цель* (*service a target*), следует понимать, что на самом деле они в очередной раз сбрасывают бомбы или направляют ракеты на иракские, сирийские, афганские и иные города. Когда американские или британские снаряды попадают в жилые дома, больницы или взрываются на рынке, то сообщают, что произошло очередное *случайное попадание снаряда* (*accidental delivery of ordnance*), которое стало причиной *сопутствующих разрушений* (*collateral damage*). А если ракеты или снаряды, выпущенные американцами, поражают американские же войска или войска их союзников — британцев, то такую неумышленную атаку на своих остроумно называют *дружественным огнем* (*friendly fire*). Характерно, что большую часть потерь убитыми и ранеными во время войны в Ираке британские войска понесли именно в результате применения американцами «дружественного огня».

Хотя этой псевдополиткорректной терминологией пользуются прежде всего англоязычные, а вслед за ними и все другие журналисты, справедливости ради следует отметить, что не они придумывают и навязывают обществу подобную терминологию. Согласно американской военной доктрине, войска США не могут попасть в окружение: им просто приходится *вступить в бой с врагом со всех сторон* (*engage the enemy on all sides*). «Миролюбивые» американские войска ни на кого не нападают: они просто вынуждены прибегать к *решиительной или наступательной обороне* (*aggressive defense*).

Помимо этого, зачастую они вынуждены наносить так называемые *упреждающие / превентивные удары* (*preemptive strikes*) или применять *упреждающие / превентивные контратаки* (*preemptive counterattacks*). Прибегать к подобным действиям американцам приходится, по-видимому, для того, чтобы ни у кого не возникло соблазна первыми напасть на самую сильную военную державу мира.

Согласно современной американской военной доктрине, разработанной министерством обороны США, «наши войска всегда атакуют первыми». Вместе с тем, практику захвата чужих территорий предложено называть *политикой добрососедства* (*good-neighbor policy*). С таким «добрососедством» уже познакомились многие государства: Вьетнам, Панама, Югославия, Афганистан, Ирак (дважды). Сегодня все больше людей в разных странах мира задаются вопросом: «Кто следующий?». Согласно все той же доктрине, мир — это всего лишь *временное прекращение боевых*

действий (*temporary cessation of hostilities*). После всего этого, почему бы не согласиться с утверждениями, что «война — это мир» или что «война — это акт гуманизма»?¹³

Но, с точки зрения носителей двойных стандартов, война является гуманной только тогда, когда ведется Соединенными Штатами и на чужой территории. Если бы чужеземные войска вторглись на территорию самих США, а вражеская авиация стала бы «осуществлять поддержку с воздуха» или «попадать в цели» в американских городах, то употребление эвфемизмов сочли бы несвоевременным и издевательским. Однако применительно к другим странам оно, как показывает жизнь, представляется вполне уместным¹⁴.

Еще Наполеон говорил, что четыре газеты смогут причинить больше зла, чем сотысячная армия, а сегодня в распоряжении ведущих держав мира находится куда большее количество не только газет, но самых разнообразных СМИ. Информационное противоборство, которое возникло «одновременно с появлением вооруженного противоборства как составная часть вооруженной борьбы»¹⁵, никогда не прекращалось, а лишь обострялось в определенные моменты истории. Так, известно, что в годы холодной войны США и их союзники «основное внимание уделили формированию в глазах мировой общественности устойчивых стереотипов о советской военной угрозе и оборонительных действиях НАТО»¹⁶.

Та же стратегия применяется и в отношении террористических актов. Когда в ноябре 2002 года банда вооруженных террористов захватила в Москве концертный комплекс (во время проведения там мюзикла «Норд-Ост»), CNN называла террористов не иначе как *armed Chechen dissidents* (вооруженные чеченские диссиденты), *Chechen rebels* (чеченские повстанцы), *fighters of Chechen resistance* (бойцы чеченского сопротивления).

И в 2004 году американская *The New York Times* вместо лексемы *terrorists* употребляла эвфемизмы типа *insurgents* (повстанцы), *guerrillas* (партизаны), *attackers* (нападавшие), *Chechen separatists* (чеченские сепаратисты), *fighters* (бойцы) и все те же

¹³ Leo J. The New Verbal Order // US News and World Report. July 22, 1991. P. 14.

¹⁴ См. подробнее: Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 81–89.

¹⁵ Фролов Д.Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти. 2005. № 5. С. 121–143. С. 121.

¹⁶ Аветисьянц Г.Г., Борисов В.И. Информационное противоборство и информационная война. Что это такое? // Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. № 1. С. 2263.

Chechen rebels. Британская *BBC* использовала те же эвфемистические замены, добавив еще и *masked men and women* (мужчины и женщины в масках), *gunmen* (вооруженные лица), которые осуществили *school siege* (осаду школы)¹⁷. Напомним, что речь шла о страшной трагедии, случившейся в России — захвате террористами школы в Беслане 1 сентября 2004 года.

Сегодня и Украина старается не отставать от своих западных «покровителей» в ведении информационной войны против нашей когда-то общей страны. Так, Верховная Рада не ограничилась отменой закона «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне», но предприняла попытки создавать свои военно-политические «эвфемизмы», предложив переименовать *День Победы* в *День скорби и примирения*. Что касается самого термина *Великая Отечественная война*, то от него предложено и вовсе отказаться, а так называемый *День скорби и примирения* отмечать 8 мая. Действуя подобным образом, политики «Незалежной» демонстрируют не только свое стремление еще дальше дистанцироваться от России, но и стать ближе к Европе, которая 8 мая отмечает все-таки День победы над фашизмом. С нашей стороны было бы ошибкой не принимать всерьез подобное вербальное творчество, поскольку информационная война — это, в том числе, и «латентное воздействие на индивидуальное, групповое и массовое сознание»¹⁸.

Вместе с тем, принцип эвфемизации военно-политической терминологии применяется только по отношению к действиям, совершаемым США и их союзниками, по отношению к России самые резкие выражения считаются «удобными», «приличными» и «принятыми». Впрочем, такая «языковая избирательность» является не единственными примерами двойной морали, столь распространенной на Западе. Чем же опасен подобный двойственный подход к международным событиям?

Хорошо известно, что роль распространения информации принадлежит СМИ, которые принимают непосредственное участие в формировании общественного мнения и имеют власть над людьми не меньшую, чем власть денег или государственного принуждения. Студенты, выступающие с новостными сообщениями на занятиях по английскому языку, зачастую употребляют лексику, искажающую истинную роль России на международной арене. Так, используются выражения типа “*annexation of*

¹⁷ Перфильева Н.В., Никишина Д.Н. Политические эвфемизмы лексико-семантические группы «терроризм» в СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 98.

¹⁸ Кунакова Л.Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6 (61). С. 93.

Crimea» («аннексия Крыма»), «*Russian aggression in Syria*» («российская агрессия в Сирии») и т. п. На замечание преподавателя о неправомерном употреблении подобных высказываний о собственной стране, они, оправдываясь, говорят, что всего лишь цитируют англоязычные источники. И если студенты Московского университета в состоянии понять неправомерность и несправедливость таких трактовок действий Российской Федерации, то можно ли с уверенностью сказать, что вся российская молодежь, читающая зарубежные СМИ, адекватно воспринимает «созидательную» роль США и их союзников и «разрушительную» России? Д.Б. Фролов пишет: «С древних времен важнейшей частью информационного противоборства являлась выработка психологической устойчивости мирного населения к влиянию чужеземных нравов путем воспитания мирного населения в духе патриотизма и верности нравственным ценностям своей страны»¹⁹.

Проанализированные военно-политические термины позволяет сделать вывод о том, что эвфемизация военно-политической лексики является одним из вербальных способов ведения информационной войны. Информационная война ведется, в том числе, языковыми средствами, поскольку язык всегда был и остается инструментом политики и политического влияния. Эвфемизация военно-политической лексики — это не развлечение для интеллектуалов, а сознательное создание, употребление и навязывание создаваемых ими терминов. Объектом информационного воздействия являются не только внешний мир, но и граждане собственной страны, которые не должны сомневаться в легитимности действий своей политической элиты. Существуют не только политические, но психологические причины появления эвфемизмов войны: традиционное отношение человека к смерти и попытки использовать эвфемизмы типа «ушел в лучший мир» и т. п. вместо «умер». Люди боятся смерти, разговоры о ней причиняют нравственные страдания, поэтому они стремятся эвфемизировать относящуюся к ней лексику. Характерной особенностью эвфемизмов является то, в политике они применяются только по отношению к «своим», к «чужим» же речевая тактичность не применяется. СМИ являются не только проводниками и распространителями новой лексики, но и, намеренно применяя ее, создателями необходимого отношения к тем или иным событиям: «Формирующее свойство инфосферы обусловлено способностью текстов массовой коммуникации влиять на систему оценок и формирование общественного мнения»²⁰.

¹⁹ Фролов Д.Б. Указ. соч. С. 128.

²⁰ Добросклонская Т.Г. Указ. соч. С. 40.

Информационное противостояние относится к войнам нового поколения, которые «сравнимы по результатам воздействия с радиацией. О ней знают, ее боятся, но никто ее не чувствует, а между тем гибнут люди, рушатся государства... В условиях глобализации война приобрела качественно новое содержание и новые виды»²¹.

Осознавая опасность информационной войны и необходимость противостоять этой угрозе, российское руководство приняло Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, которая была утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646²². В этом документе обеспечение информационной безопасности декларируется как одна из приоритетных задач государства. В частности, отмечается «тенденция к увеличению в зарубежных средствах массовой информации объема материалов, содержащих предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации», «наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этой связи одной из стратегических целей обеспечения информационной безопасности названа «нейтрализация информационно-психологического воздействия, в том числе направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанный с защитой Отечества».

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 30.04.2017).
2. *Аветисянц Г.Г., Борисов В.И.* Информационное противоборство и информационная война. Что это такое? // Конференциум АСОУ: Сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. № 1. С. 2259–2272.
3. *Добросклонская Т.Г.* Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 38–54.
4. *Зелинский С.А.* Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб.: СКИФИЯ, 2008.

²¹ *Сигида Н.А.* Информационная война // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 1. С. 150.

²² Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 30.04.2017).

5. *Иванова Д.Н.* Информационная война как реальность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3 (13). С. 229–231.
6. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–407.
7. *Кунакова Л.Н.* Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 6 (61). С. 93–96.
8. *Обвинцева О.В.* Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
9. *Палажченко М.Ю.* К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 81–89.
10. *Перфильева Н.В., Никишина Д.Н.* Политические эвфемизмы лексико-семантические группы «терроризм» в СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 95–103.
11. *Пилюгина М.В.* Эвфемизмы как языковое средство // Актуальные вопросы гуманитарных, правовых и социально-экономических исследований. М.: Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 2013. С. 58–64.
12. *Сигида Н.А.* Информационная война // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 1. С. 148–152.
13. *Соловьев А.В.* Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Пространство и время. 2010. № 2. С. 75–81.
14. *Сорокина О.Н.* Роль и значение образов — информационных моделей в СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 201–203.
15. *Тимофеева Л.Н.* Информационная война против России: состояние и проблемы // Конфликтология. 2008. № 4. С. 64–76.
16. *Фролов Д.Б.* Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти. 2005. № 5. С. 121–143.
17. *Халидов Д.* Информационная война в России: горькие плоды западничества // Обозреватель — Observer. 2011. № 8. С. 14–25.
18. *Цыбуляк О.Д.* Эвфемизмы как манипулятивный инструмент СМИ в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение. Вып. 81. С. 239–243.

19. *Keyes R.* Euphemania: Our Love With Euphemisms. New York: Little, Brown and Company, 2010.
20. *Leo J.* The New Verbal Order // US News and World Report. July 22, 1991. P. 14.

Palazhchenko M.Yu.

Creating Euphemisms for Military-Political Lexemes as Means of Informational Warfare

Marina Yu. Palazhchenko — Ph.D., Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: m-palazhchenko@mail.ru

Annotation

The article analyses the English and Russian military-political euphemisms as means of waging informational warfare. Special attention is paid to the attempts to influence the audience by the deliberate use of certain lexemes in order to create a “correct” perception of the events.

Keywords

Information warfare, military-political lexemes, euphemisms, informational security.